

ИЗ ИСТОРИИ XX ВЕКА

И. Г. ТАЖИДИНОВА

ФРОНТОВАЯ ДРУЖБА В СВИДЕТЕЛЬСТВАХ КОМБАТАНТОВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ*

Новый взгляд на историю Великой Отечественной войны связан с возвращением ей «человеческого измерения», а значит с исследованием повседневных практик советского человека в условиях военного времени. В статье на основе частной переписки, дневников и воспоминаний фронтовиков выявлена мотивация к установлению дружеских отношений в их среде, формы, содержание и значение таких коммуникаций.

Ключевые слова: *Великая Отечественная война 1941-1945 гг., письма, воспоминания, дневники, комбатанты, фронтовая повседневность, дружба.*

Круг дружеских связей комбатанта Великой Отечественной войны мог быть широким или узким, что зависело, прежде всего, от психологических особенностей личности, но, в немалой степени, и от того, каким образом складывались обстоятельства его фронтовой судьбы. Хотя контакты с друзьями, сложившиеся еще в довоенный период и поддерживаемые в годы войны при помощи переписки, тщательно сохранялись и оберегались, на первое место для «человека воюющего» выдвигалась связь особого рода – фронтовая дружба. А.Т. Твардовский в «Василии Теркине» отвел ей высшую ступень символической иерархии: «Свет пройди, – нигде не сыщешь, / Не случилось видеть мне / Дружбы той святей и чище, / Что бывает на войне»¹. В рассказах о фронтовой дружбе, являющихся непременной частью автобиографических повествований комбатантов и литературных произведений о Великой Отечественной войне, понятия «дружба», «братство», «товарищество» употребляются как синонимы и исключительно с положительными коннотациями².

Американский антрополог Лайонел Тайгер и близкие к нему авторы высказываются в пользу того, что феномен мужской солидарности и группирования по гендерному признаку является исторически всеоб-

* Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ № 12-01-00127а «Частная жизнь советского человека в условиях военного времени: пространство, границы и механизмы реализации (1941–1945 гг.)».

¹ *Твардовский*. 2010. С. 66.

² Если строго придерживаться дефиниций, то дружба имеет отличия и от братства, предполагающего кровно-родственную близость, и от товарищества, подразумевающего связанность общей принадлежностью и узами групповой солидарности.

щим, имеющим биолого-эволюционные предпосылки³. Выживание и жизненный успех отдельного мужчины и его группы (охотников, воинов) зависели от общей способности мужчин координировать свои усилия в борьбе с общим врагом; групповая солидарность и эмоциональная привязанность мужчин друг к другу и к группе как целому облегчали поддержание жесткой дисциплины, позволяли уменьшить внутрigrупповую конкуренцию и порожаемое ею социальное напряжение. Мужскому воинскому товариществу всегда придавалось особое значение.

Что касается непосредственно дружбы, то классик немецкой социологии Фердинанд Тённис считал ее (наряду с родством и соседством) воплощением «общинности». Если на ранних стадиях развития, в патриархальных условиях «общинность» преобладает, то, по мере того как социальные связи становятся все более универсальными, значение «общинных» отношений (в том числе и дружбы) снижается. В отличие от Тённиса, который связывал развитие дружбы с дифференциацией общественной деятельности и социальной структуры, Георг Зиммель выдвигал на первый план дифференциацию самих личностей. По его мнению, в современном обществе возникает психологическая «закрытость» как результат собственного усложнения личности. Индивид с более сложным внутренним миром не может полностью раскрыться кому-либо одному. Поэтому тотальная дружба разделяется на ряд отношений, в каждом из которых раскрывается какая-то отдельная сторона Я (с одним человеком связывает симпатия, с другим – интеллектуальные интересы, с третьим – общий жизненный опыт и т.д.)⁴.

Обозначенные трансформации повышают индивидуальную избирательность, но одновременно взаимные обязанности друзей становятся менее определенными. В связи с этим возникает ряд проблем: соотношения инструментальных (практических, деловых) и экспрессивных (эмоциональных, аффективных) ценностей и мотивов дружбы; критериев разграничения дружбы и любви; ролевой структуры дружеских отношений (являются они добровольными или обязательными, равными или неравными и т.д.). Указанные проблемы актуальны и для избранной темы, так как «язык» фронтальной дружбы и сами формы дружеских отношений комбатантов Великой Отечественной войны чрезвычайно многообразны. Документы личного происхождения (частная переписка, дневники, воспоминания, стихи фронтовиков), интервью с участниками войны 1941–1945 гг. – уникальная основа для проникновения в суть этого феномена.

³ Кон. 2005. С. 22.

⁴ Там же. С. 7–8.

Что касается научных разработок на данную тему, то их немного; фронтовая дружба обычно попадает в поле зрения исследователей психологии и быта комбатантов, но как-то вскользь, преимущественно, благодаря сюжетам, иллюстрирующим характерные для военной повседневности ситуации, практики взаимопомощи в армейской среде⁵. А. Людке, обративший внимание на принципы воинского товарищества в связи с постановкой проблемы «войны как работы», выяснил, что ряд исследователей подразумевает под таковым сотрудничество в небольших подразделениях (группах) для выполнения боевых задач, однако, если опираться на мнение Т. Кюне, этот тип взаимоотношений все же относится к «иным формам доверия». «Солдаты испытывают особое “безликое” доверие, вырабатываемое и воспроизводимое в небольших группах (подразделениях), в рамках которых они воюют, а фактически и живут». Поддерживая точку зрения Кюне, Людке считает такой род отношений товарищеской по службе чрезвычайно значимым. Во-первых, он имел решающее значение в борьбе с физическими и психологическими трудностями фронтовой жизни. Во-вторых, взаимоотношения, основанные на доверии, позволяли военнослужащим обходить военную иерархию с ее строгими дисциплинарными предписаниями. «Именно важность взаимопомощи в бою и осознание необходимости сохранить доверие сбивало волны агрессивности, возникавшие в процессе общения командиров с подчиненными, а также рядовых солдат между собой», – заключает Людке⁶.

Близкие отношения, основанные на взаимном доверии, привязанности, общности интересов (а именно такова суть дружбы) построить в армейском коллективе в условиях войны было одновременно и просто, и сложно. Осложнения возникали тем быстрее и чаще, чем тяжелее была обстановка, в которой приходилось жить и работать военнослужащим. Невозможность дружбы в «нечеловеческих условиях» ощутили многие из тех, кто вступил в войну в юном возрасте, с запасом романтических иллюзий. Для восемнадцатилетнего москвича В.Г. Кагарлицкого разочарование наступило на второй неделе войны на окопных работах в Смоленской области, где из-за отупляющей работы и отсутствия нормального питания «некоторые сошлись, а некоторые стали друг другу зверями»⁷. Из дневников и воспоминаний известно, что суровые условия жизни в военных училищах обостряли потребность в дружеской поддержке, однако во многих случаях она оставалась неудовлетворенной. Данное про-

⁵ См. например: *Момотова., Петров.* 2005. С. 113–115.

⁶ *Людтке.* 2010. С. 230–231.

⁷ «Сохрани мои письма...». Вып. 2. С. 41.

творечие зафиксировали, в частности, дневниковые записи В.П. Киселева, курсанта Ленинградского артиллерийско-технического училища, в эвакуации располагавшегося в Ижевске: «Когда люди попадают в трудные условия, вместе переносят тяготы жизни, тогда дружба, товарищеская помощь и ободрение друг друга являются лучшим бальзамом. В училище в своей среде ничего подобного я, к сожалению, не вижу. Особенно неприятно наблюдать сцены за столом: рвут друг у друга куски, которые кажутся покрупнее, обделяют друг друга, стараются незаметно кинуть взгляд в чужую тарелку, и всем кажется, что у того-то больше супу, гуще он, и каждый почти кричит, чтобы не остаться голодным, и сам иногда кричишь». Данная ситуация разрешения не имела, так как существование курсантов продолжало оставаться на уровне выживания, и спустя месяц Киселев цитировал лермонтовское «и скучно и грустно, и некому руку подать в минуту душевной невзгоды». И продолжал: «...Редко можно найти здесь дружбу в настоящем значении этого слова, еще есть что-то похожее на людей, но только до тех пор, пока они не в столовой. А уж тут и сказывается звериная сущность наша. Сколько примеров! Тысячи! Говорят (я верю этому), люди бывают и в более трудных условиях, а между ними – дружба, спайка, которая держит их и ободряет...»⁸. Причин, способствовавших тому, что курсанты мечтали покинуть училища и отправиться на фронт, было немало. Поиск «настоящих» человеческих отношений занимал среди них не последнее место.

Трудности налаживания дружеских взаимоотношений внутри воинских коллективов определялись, в том числе, разнородностью контингента, который попадал в армию с волнами мобилизации. Москвич Л. Рабичев, записавшийся добровольцем осенью 1941 г. в Уфе (где находился в эвакуации), ощутил эту разнородность во время 115-километрового марша к Бирскому военному училищу. «Колонна наша состояла из ребят, окончивших десятилетку или один-два курса института. По документам все были равны, а по существу – москвичи, ленинградцы, киевляне, одеситы по своему развитию намного превосходили ребят из башкирских и татарских деревень. Они плохо говорили по-русски, держались обособленно и по вечерам пели под гармошку свои грустные монотонные песни. Соображали они тоже не очень». По окончании училища Рабичев попал на Центральный фронт и как командир взвода получил под свое начало 46 военнослужащих, состав которых был примечателен. Половину представляли люди среднего возраста, с военным опытом (8 человек получили его еще во время советско-финской войны), ранениями, медалями. Другая

⁸ Общество и власть... С. 1007, 1008.

половина – молодые люди 18-20 лет, «пороха не нюхали», попали в резерв из тюрем и лагерей (осужденные за мелкое хулиганство и воровство). Всех предстояло за короткий срок сделать связистами. В 1943 г. в армии, по воспоминаниям Рабичева, царило «то невыдуманное чувство локтя и солдатской взаимопомощи», которое было основано на уверенности в конечной победе и являлось важным фактором сплочения военнослужащих. Спустя шестьдесят лет после войны Рабичев признавался, что, «невзирая на различия образования, семейного воспитания и духовного опыта», воспринимал своих подчиненных как друзей и, «в какой-то мере, как офицер – как своих детей»⁹. Однако негативные стороны попавшей в его взвод молодежи – «в основном, храбрых, способных на неординарные решения бойцов» – открылись в 1945 г. в Восточной Пруссии при взаимодействии с гражданским населением, в трофейных компаниях.

Военнослужащие с высоким уровнем образования, горожане (особенно – в нескольких поколениях) оказывались в меньшинстве, буквально растворялись среди основного контингента красноармейцев – выходцев из деревни, не отличавшихся большой грамотностью. Е.С. Сенявская отмечает «почти поголовный по происхождению рабоче-крестьянский характер армии», явившийся следствием жесткого социального отбора и массовых репрессий довоенного периода¹⁰. Соответственно, возможности для удовлетворительных дружеских контактов у этого меньшинства были изначально сужены. Первыми впечатлениями 19-летнего Л. Андреева о сослуживцах были такие: «Народ простой: деревенские, одноликие...»¹¹. В том же духе описывает товарищей, с которыми провел на передовой не один месяц, гвардии старшина В.В. Сырцылин: «Темнота деревенская, многие совсем неграмотные»¹². При таких условиях контакты довольно часто складывались по линии «донор – реципиенты»; более образованные, начитанные рассказывали, разъясняли, в общем, вольно или невольно, расширяли кругозор тех, кому знаний не доставало. Это касалось самых разных областей: истории, литературы, географии, иностранных языков, политики. С другой стороны, рабочее или крестьянское происхождение закладывало иные навыки, которые также активно перенимались (к примеру, освоение плотницкого дела при постройке блиндажей происходило под руководством профессионалов, которые легко обнаруживались в воинском коллективе). Взаимные интересы обычно перекрещивались в разговорах на досуге, что с некоторой иронией описывает военный

⁹ Рабичев. 2008. С. 69, 96.

¹⁰ Сенявская. 1995. С. 74.

¹¹ Андреев. 2005. С. 57.

¹² Герои терпения... 2010. С. 100.

переводчик В. Раскин: «Сидим в землянке, разговариваем о войне и мире, девчатах, пушках, способах приготовления гречневой каши, первом законе Ньютона, ну и разумеется, поем “Синий платочек”». В другом письме Раскин выскажется яснее: «...Хочется чего-то повкуснее: сопромата, диалектики, хороших стихов»¹³.

На самом деле, беседы и дискуссии, продолжавшиеся далеко за полночь, не обязательно выявляли точки соприкосновения, иногда, напротив, – принципиальные разногласия, которые были препятствием к дружескому единению. Сырцылин, который активно участвовал в подобных спорах («о логике и смысле в жизни, о влиянии гипнотизма на человека, о религии» и многом другом), неоднократно терпел фиаско в своих попытках переубедить сослуживцев, уверенных в том, что «все жены изменницы и вообще они причина всех бедствий»¹⁴. Раскин делился в письме к хорошей знакомой сходным сюжетом из фронтовой жизни: «У нас нередко бывают споры о женщинах, ворах, дисциплине. Я всегда оказываюсь в абсолютном меньшинстве. Приходится опровергать взгляды ледникового периода. Где только эти мамонты были в мирное время? И ведь упираются, доказывают: “Ты жизни не знаешь”»¹⁵.

Возможности диалога существенно сокращались из-за «трехэтажной словесности», которая была неприемлема для части военнослужащих. Эти люди, даже притерпевшись к мату как постоянному фону фронтовой жизни, держались отстраненно от изъяснявшихся таким образом. «...Когда-то мне снова придется провести часок-другой в разговоре без мата! – грустил В. Раскин, между прочим, захвативший с собой на фронт «Историю Рима». – Он уже перестает быть бранью: “Выхожу из леса так растак перетак, а навстречу идет Х так его растак и вот этак”. А с этим Х спать под одной шинелью и делиться последним куском хлеба. Что поделаешь – война...». Раскин, сетовавший на то, что далеко не каждый из сослуживцев включает «в культуру» утреннее умывание, упорно искал на фронте друзей «своего круга». Находил тех, с кем «можно поговорить по-человечески», преимущественно, среди юристов и офицеров тяжелой артиллерии¹⁶. На трудности этого же порядка жаловался младший лейтенант, политрук роты М. Львович: «Я пока остался человеком, а человек, по Аристотелю, животное общественное; ищу общества на стороне, ибо здесь его не нахожу... Нужны люди, понимающие тебя, а со многими, с кем я пребываю, не могу найти общих точек

¹³ РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 1400. Л. 74, 50об.

¹⁴ Герои терпения... С. 92, 100.

¹⁵ РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 1400. Л. 32об.

¹⁶ Там же. Л. 14, 102.

соприкосновения взглядов»¹⁷. Впрочем, со временем реакция на грубую речь и недостаток культуры смягчалась, что было связано с интеграцией в сообщество комбатантов. Рядовой В. Цоглин отстаивал ценности этой общности в письме к сестре-москвичке, ополчившейся на жаргон, приобретенный братом. «Если бы ты знала фронтовых людей. Особенно гвардию. Ты бы не писала: “Мальчишечный, уличный жаргон к тебе не идет”. А трехэтажный мат с перебором ко мне идет? Без него жить нельзя, как без воды. Хотя это и считается у вас там хулиганством. Философия фронтовая коренным образом от вашей отличается»¹⁸.

Коммуникативные барьеры преодолевались силой того, что можно назвать «общностью участи»: от совместного проживания, типичных выполняемых обязанностей, повседневных проблем и основных рисков до разделяемого всеми (а фактически – разделенного на всех) «солдатского фатализма». Так, постоянное ожидание военнослужащими писем из дома и несинхронность в их получении приводили к тому, что повсеместно распространилась практика коллективного чтения переписки (т.е. приватная информация становилась, в той или иной степени, общедоступной, делая личность адресата-сослуживца прозрачнее). Но главное, на фронте с большой частотой возникали сложные, опасные для жизни ситуации, которые стремительно и однозначно проявляли человеческие качества, а, значит, выбор соответствующего определенным запросам/притязаниям товарища был, в каком-то смысле, облегчен, и даже, в отдельных случаях, претендовал на безошибочность. «[Я] с ним был всегда в дружбе как смелый с смелым...» – обозначал критерий своих отношений с однополчанином М.Т. Виталков¹⁹.

В воспоминаниях рядового взвода разведки Л.Л. Вегера, высказывается мнение, что условия для возникновения дружбы в пехоте были наилучшими. «Война так быстро тасовала нас, что мы не успевали узнать друг друга. После каждой атаки в батальоне почти поголовно выбивало рядовой состав. Фронтовая дружба, о которой часто пишут, возникала в более стабильных частях: авиации, артиллерии и других»²⁰. Тем не менее, дружеские связи развивались и в такой неблагоприятной обстановке, о чем свидетельствует письмо радиста Р.С. Гражданинова, после ранения вынужденно сменившего часть: «...Товарищи такие же, как и везде, неделю побудешь и, как братья». Вернувшийся в строй после выхода из окружения под Оршей политрук К.А. Зайцев предполагал: «...В бою то-

¹⁷ Архив научно-просветительного центра «Холокост». Ф. 9. Оп. 2. Д. 118. Л. 17.

¹⁸ Там же. Д. 160. Л. 41.

¹⁹ «Я пока жив...». 2010. С. 38.

²⁰ Вегер, 2003. С. 57.

варищи найдутся быстро, знакомство здесь полевое, боевое знакомство»²¹. «На фронте вообще быстро люди знакомятся и делаются друзьями на всю жизнь», – гласит запись из дневника артиллериста В.П. Киселева, в свое время отчаявшегося найти друга в военном училище²².

Так кто же такой был он – фронтальной друг? Судя по дневнику фото-корреспондента фронтальной газеты Е.С. Бялого, это был «партнер по песням, собеседник, с которым чаще и больше всех приходится беседовать, и даже спать вместе»²³. Сходные признаки, подтверждающие сокращение дистанции, особую близость, называл в письме жене сержант И.Н. Исаев: «Спим с ним вместе, как с тобой, и делим все пополам, один без другого ни на шаг...»²⁴. Из рассказа ополченца С.И. Лурье сыну, о дружбе позволяла говорить «еда из общего котелка» и решение общих бытовых проблем. Представляя боевого товарища («снайпера и даровитого архитектора») компании своих «старых» друзей из числа московских студентов, Е.И. Хаевский перечислял наиболее востребованные во фронтальной обстановке качества и умения: «Сей муж – мой напарник, мой друг. С ним делим печали, радости, веселье и хлеб, картошку и водку, поем веселые разухабистые песни, грустные украинские и русские напевы. Мерзнем в снегах, потеем на лыжах, стреляем и выпускаем боевые листы»²⁵.

Дружба часто завязывалась между сверстниками. «Мы оба одноклассники, и наши характеры, взгляды и рассуждения почти всегда одинаковы» (из письма Е.С. Юкиша). Она могла иметь очень теплый, интимный характер. Юкиш, переписывавшийся с женой своего однополчанина А.Ф. Колосова, обрисовал именно такой тип взаимоотношений: «Представьте себе, Зина, что мы так один за другим смотрим и один об одном беспокоимся, как мать о своем ребенке. <...> Если он идет выполнять какую-нибудь задачу, где грозит жизнью, я очень волнуюсь. Вот сейчас 23 часа. Леня выполняет поставленную перед ними задачу. И задачу, во время которой можно очень расплатиться с жизнью. Я сижу в землянке и все время думаю о нем. Леня со мной делится всем. Мы делим и радость, и горе». Война лишила Юкиша семьи, и Колосова, абсолютно доверяя другу, в целях моральной поддержки содействовал переписке между ним и своей женой. Они даже шутили на эту тему, «что Зинаида (Вы) как бы ничего не задумала с Юкишом (со мной)»²⁶.

²¹ РГАСПИ, Ф. М-33. Оп. 1. Д. 15. Л. 31; Д. 152. Л. 4.

²² Общество и власть... С. 1014.

²³ «Сохрани мои письма...» Вып. 1. С. 61.

²⁴ «Я пока жив...» С. 86.

²⁵ «Сохрани мои письма...» Вып. 1. С. 86; Вып. 2. С. 101.

²⁶ «Я пока жив...» С. 285–286.

Известно, что взаимное тяготение естественным образом возникает между земляками, людьми одной национальности. Есть также свидетельства об особом уважении и притяжении к людям с героическим боевым опытом. В.Г. Кульневич вспоминал, какую потрясающую атмосферу привнесли в его артполк герои Сталинграда. «Сталинградцы – это действительно особые люди! Много раз я думал и думаю сейчас, что мне просто повезло, что попал я в их среду, что в их рядах прошел самый трудный участок своего жизненного пути»²⁷.

Довольно часто фронтовым другом становился более опытный или более практичный человек. Рядом с таким шансы выжить возрастали, а это имело для комбатанта первостепенное значение. Воспоминания офицера-пехотинца А.З. Лебединцева сохранили один из множества подобных примеров. Во время марша, шагая в строю, он познакомился со старшим лейтенантом Афанасием Ивановичем Ельниковым. Оказалось, что оба были родом из Ставропольского края. «Протянув руку, он сказал: “Будем дружить”. Далее предупредил, чтобы я держался ближе к нему». Пользу от такого товарищества Лебединцев ощущал на протяжении месяца, который и продолжались их отношения. Во время остановок новый друг организовывал приличное жилье (а Лебединцеву поручал охранять его от посягательств конкурентов), доставал продукты и спиртное, проворачивал махинации с сухим пайком и меновые операции. «Так началась наша дружба, – вспоминал Лебединцев. – Он всегда являлся добытчиком, а я всего лишь хранителем. С такими людьми было удобно дружить, полагаясь на их контактность с местным населением»²⁸. Когда распределение по разным армиям Закавказского фронта развело друзей, Ельников беспокоился, что Лебединцев «сгинет» без его опеки.

Сотрудничество и взаимопомощь как ведущие мотивы товарищества фронтовиков подтверждают и интервью с ними, причем, как правило, акцентируется актуальность такого рода связей для конкретного рода войск. Владимир Ильич Бирюков (1923 г.р., артиллерист) рассказывает: «У нас индивидуализма там не было, потому что в расчете у каждого свои обязанности. Друг без друга... пушка не может стрелять. Один кто-то не выполняет свои обязанности... ну и все. Поэтому эта общая ответственность и обязанность, она давала то, что никаких претензий друг к другу уже не было». Правда, Бирюков уточняет, что складывавшиеся на такой основе связи правильнее называть «добрыми отношениями»²⁹. Ге-

²⁷ От солдата до генерала... 2008. С. 193.

²⁸ Лебединцев, Мухин. 2006. С. 122–128.

²⁹ Интервью с Владимиром Ильичем Бирюковым...

рой Советского Союза Николай Павлович Жуган (1917 г.р., летчик), кратко резюмирует: «Все были дружные. Вся эскадрилья». А про лучшего друга, сбитого на его глазах в одном из воздушных боев, рассказывает, что близко сошлись, потому что одновременно попали во вновь созданный после переформирования авиационный полк, кроме того, были одного возраста и одной национальности – украинцы³⁰.

На вопросы о дружбе на передовой наиболее подробно и емко ответил Олег Васильевич Бредихин (1925 г.р., разведчик). Фрагмент из интервью с ним заслуживает особого внимания.

Интервьюер: «У Вас сложились на фронте дружеские отношения?»

Олег Васильевич: «А там даже без этого нельзя. Обязательно должен быть напарник у тебя. Особенно во взводе разведки. Мы вместе едим. Вместе спим».

Интервьюер: «А если не будет такого человека?»

Олег Васильевич: «А если не будет? Ну, нельзя по-другому. Вот, допустим, глубокая осень, зима. Хорошо, если мы где-то там хату разбитую нашли, или блиндаж, или где-то устроились. А если лес или просто поле, и надо ночевать. Как ночевать? Обязательно вдвоем. Вот смотрите. У меня есть шинель, у него есть шинель. У меня есть плащ-палатка, у него есть плащ-палатка. Мы из этих двух плащ-палаток можем сделать палатку. А можем и не делать. Можем одну шинель растелить, одну плащ-палатку растелить. Вперед плащ-палатку, потом шинель. Потом мы легли, а нас укрыли сверху другой шинелью, и еще укрыли плащ-палаткой. От сырости. А если я один, у меня уже ничего этого не получается»

Интервьюер: «То есть это сотрудничество?»

Олег Васильевич: «Сотрудничество. Да. Напарник. В разведке должен у тебя быть хороший друг-напарник. Вот когда меня на Украине под селением Показное Запорожской области при артиллерийском налете завалило в траншее, что меня совсем не было видно, что, говорят, только кусок ноги торчал. А вперед-вперед, наступление шло. Мой напарник Андрей Кузьминов хотел меня вытаскивать, а ему командир взвода тогда не разрешил: “Вперед!” Вот они дошли до определенного [места], и в сумерках там остановились. И он вернулся назад, и меня потихоньку вытащил. А я живой оказался».

Интервьюер: «А если бы он не вернулся?»

Олег Васильевич: «А я бы там и остался. Да, он вытащил меня. Я был без сознания, но живой. И он нашел санитаря. И они приехали на

³⁰ Интервью с Николаем Павловичем Жуганом...

подводе, погрузили меня и отвезли в санроту. И вот я перед Вами. Если б не было товарища, ничего б не было этого. Я ему за это подарок, значит, потом сделал»³¹.

Единственным военным другом признает в своих воспоминаниях Н.Н. Никулин «лейтенанта Лешу», оказавшего ему, не приспособленному к фронтовому быту новобранцу, жизненно важную поддержку. «Мы познакомились еще в 1941 году. Я только что прибыл на фронт – с пополнением из блокадного Ленинграда, был дистрофиком и охвачен тяжелым унынием. Надо было воевать и работать, а я с трудом передвигал ноги. Лейтенант Леша, в противоположность всем остальным, проявил ко мне сочувствие, оберегал меня, как мог, даже приносил мне кусочки хлеба с маслом из своего дополнительного пайка. В те времена офицерам был положен спецпайок – масло, консервы, печенье. Обычно офицеры пожирали все это где-то в одиночестве, тайком от солдат. Не таков был лейтенант Леша. Сам дистрофик, тоже недавно из блокадного Ленинграда, он обладал замечательной силой духа и стремлением помочь ближнему». Об Алексее Никулин помнил, что был он инженером, любил книги и музыку. В темной землянке они читали друг другу стихи, беседовали, и это «помогало отключиться от смертного ужаса войны, от голода, холода, жестокости...». Поразительно, что последняя их встреча произошла спустя два года, и всего за несколько часов до смерти «лейтенанта Леша». Его, раненого в живот под польским городом Ченстохов, привезли в медсанроту, где лечился и Никулин. Обомлев, Никулин успел только поцеловать его и сказать несколько ободряющих слов. К утру Алексей, не пережив операции, умер. Никулин написал в мемуарах, что, повидав много смертей, эту утрату забыть не мог никогда³².

Именно к друзьям обращались с «последней» просьбой – сообщить родным о гибели, если так случится. Им оставляли дорогие вещи, которые у фронтовиков были буквально единичны (очки, нож, книгу). Младший лейтенант Ю.Я. Зильберман, служивший в редакции армейской газеты «Ворошиловский залп», писал брату о такой памятной вещи: «...В последнем бою Алексей погиб. Автоматная очередь прошла его грудь наискосок. Трубку он завещал мне, и сейчас, сидя за письмом, я курю ее»³³. Нередки случаи, когда фронтовые друзья старались помочь родственникам погибших, высылая им вещи, деньги, ходатайствуя об установлении пенсий детям, просто поддерживая письменное общение.

³¹ Интервью с Олегом Васильевичем Бредихиным...

³² *Никулин*. 2008. С. 163–164.

³³ «Сохрани мои письма...». Вып. 1. С. 77.

Несмотря на жесткую армейскую иерархию, тяготы войны порой стирали различия командиров и подчиненных. Эта тенденция просматривается в сообщениях о гибели фронтовиков, которые писались неофициально. «...Он был моим адъютантом, – сообщал сестре своего товарища майор В. Ребколо. – Мы сроднились друг с другом, мало того – полюбили друг друга, как родные братья, несмотря на то, что я офицер, командир части, а он всего-навсего подчиненный». А. Савицкий так характеризовал отношения со своим командиром А. Фурманом, когда пытался поддержать его отца, потерявшего связь с сыном: «Он был командиром взвода, а я у него во взводе командиром отделения. Наши отношения перешагнули рамки подчиненности. Особенно они улучшились по прибытии на фронт. На фронте с Александром мы находились все время вместе. Во-первых, по долгу службы, а во-вторых, Александр меня от себя не отпускал, да мне не было никакой необходимости от него уходить»³⁴.

В.И. Бирюков, служивший рядовым в артиллерийском взводе, поделился размышлениями о том, что война, в известной степени, упростила взаимоотношения между чинами. «...Потому что и командира могли убить, и рядового. В смысле, команд, приказов – тут беспрекословно. А в смысле бытовых отношений... не было такого, [чтоб] “Разрешите обратиться...”». Из личного опыта Бирюков привел случай товарищеских отношений с лейтенантом Горбенко – начпродом дивизиона. Считает, что сближение произошло на интеллектуальной почве, поскольку он сам окончил педучилище и два курса физико-математического факультета Ростовского университета. «...Со мной можно было поговорить на более широкие темы. Потому что все-таки я газеты читал. И, потом, я же изучал марксизм-ленинизм. И, как говорится, университетские программы». С другой стороны, вспоминает, что эта дружба приносила ему определенные выгоды; за разговорами с Горбенко («храбрым человеком», которому «боевым командиром быть, а не начпродом, но вот, интендантское окончил...») на долю Бирюкова перепали конфеты, спирт, папиросы³⁵.

Впрочем, стратегия отношений командира с подчиненными могла быть иной, практически не оставлявшей шансов на возникновение дружбы. Гвардии лейтенант, командир танка И.С. Украинцев, находясь в состоянии глубокой депрессии, излагал любимой девушке свою позицию по этому поводу: «Ведь здесь нет ни одного человека, с кем мог бы я поделиться, перед кем мог бы излить свою желчь. Кроме того, я и не ищу друзей, так как здесь существуют начальники и подчиненные, поэтому я

³⁴ Письма из войны... 2010. С. 133; «Сохрани мои письма...» Вып. 1. С. 39.

³⁵ Интервью с В.И. Бирюковым.

заклучил себя в определенные рамки, облекся в формальную личину офицера-службиста, для которого существует приказ и беспрекословное выполнение его»³⁶. В свою очередь, подчиненные тоже могли проявлять недружелюбный настрой по отношению к начальству. Строки из письма военнослужащей Г. Ярцевой к брату делают прозрачными противоречия, свойственные коммуникациям в армейской среде. «Ты можешь меня понять, если переживал чувство унижения, оскорбления своего “я”, своего достоинства. Я, боец, выполняю все приказания каких-то сержантиков, людей, которые никоим образом в мирное время не могли даже быть знакомыми со мной. А здесь я выполняю то, что мне прикажут»³⁷.

Как становится ясно из фронтовых писем, дневников, воспоминаний, препятствием для дружеских отношений между подчиненными и командирами становились офицерские привилегии (дополнительный паек, доступ к трофеям и др.), меньшая загруженность тяжелой повседневной работой (рядовые строили землянки и блиндажи не только для себя, но, в первую очередь, для командного состава), возможность обеспечить себе более комфортные и безопасные условия жизни. Источники свидетельствуют, что комсостав нередко демонстрировал грубость и истеричность, равнодушие к нуждам и настроению подчиненных, отчуждение от них. А.П. Соловьев, служивший в дивизионной газете, оставил запись в дневнике на эту тему: «Очень и очень плохо, что командиры наши не знают людей. Формы отношений между людьми в армии чересчур формальны. И эта формальность, при командирах, которые плохо знают свои кадры, по-моему вредно влияет на дело войны»³⁸. А Львович, столкнувшийся с тем, что офицеры не захотели праздновать новогодний праздник вместе со своими солдатами, сокрушался: «Ведь обидно, что, будучи по происхождению, безусловно, из демоса, плебейства, они где-то нахватались патрицианских, аристократических взглядов, манер...»³⁹.

Нельзя сбрасывать со счетов и то, что дружеские отношения военнослужащих строились в обстановке социального контроля, типичной для армии. Так, А. Людтке отмечает, что в исследованиях Т. Кюне на тему «боевого товарищества» отсутствует упоминание «неприятной стороны общения, включая социальный контроль и социальное давление», а ведь именно эти черты характерны для взаимоотношений в небольших группах работников в промышленности и солдат в армии⁴⁰. Рассматривая не-

³⁶ РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 1208. Л. 49.

³⁷ *Сенявская*. 2001. С. 38.

³⁸ Страницы скорби и любви... 2010. С. 22.

³⁹ Архив НПСЦ «Холокост». Ф. 9. Оп. 2. Д. 118. Л. 20.

⁴⁰ *Людтке*. 2010. С. 231.

посредственно ситуацию в Красной армии, следует учитывать дополнительные «отягчающие» обстоятельства, связанные со спецификой политического режима, установившегося в стране. Речь о том, что взаимный надзор был элементом незаметного, но разделяемого всеми фона советской власти. Опираясь на работы канонизированного теоретика советской педагогики 1930-х гг. А.С. Макаренко (а они не потеряли значения и в последующие десятилетия), О.В. Хархордин подчеркивает, что советское общество постоянно пыталось создать дискурсивную пару «коллектив – личность» и привилегировать в ней коллектив⁴¹. Коллектив, согласно определению Макаренко, выступал «контактной совокупностью, основанной на социалистическом принципе объединения». Биологический термин «органы коллектива», который он употреблял в своих работах, подразумевал, что коллектив – это «живой социальный организм», который связан воедино не отношениями любви, дружбы или соседства, а тем, что Макаренко называет отношениями «ответственной зависимости»⁴². И хотя, как замечено, коллективная жизнь не включала в себя дружескую составляющую, немаловажно, что любые взаимодействия, в том числе дружеские, протекали в контексте обозначенного «ответственного» коллективного существования. Такая конфигурация выглядела для советского человека естественно; она твердо закрепились в практиках поведения населения еще в предвоенные годы.

Сталинизм нес в общественную психологию армии атмосферу нетерпимости, вражды, подозрительности и страха⁴³. Нередким явлением фронтовой жизни были доносы. Раздвоенная мораль сеяла сомнения даже в тех, кто шел в атаку рядом. Поэтому к сообществу, в котором предстояло жить и работать, обычно внимательно присматривались. Е.С. Бялый зафиксировал начальную стадию этого процесса в своем дневнике: «Путь показал лицо коллектива, в котором мне предстоит находиться. Вырисовываются контуры индивидуумов, составляющих этот коллектив». Далее, спустя несколько дней, делал уже более конкретные выводы: «Очень хочется побеседовать. Проанализировать вдвоем. Не расскажу, с кем чувствую пристрастность ответов, советов и указаний. Сдержан»⁴⁴.

Дружеские связи между мужчинами и женщинами, складывавшиеся в условиях фронта, заслуживают особого внимания. Характер этих отношений расшифровать не всегда просто, причем не только исследователям, но порой и их непосредственным участникам. Дело в том, что сме-

⁴¹ Хархордин. 2002. С. 15–16.

⁴² Там же. С. 93, 94.

⁴³ Сенявская. 1995. С. 74.

⁴⁴ «Сохрани мои письма...». Вып. 1. С. 62–63.

шение понятий «дружба» и «любовь», утвердившееся в риторике предвоенного десятилетия (примеры легко найти в лирической поэзии, песнях, газетной публицистике), создавало специфическую почву для налаживания взаимопонимания между полами. Слова «дружба», «друг», «дружнице», активно используемые фронтовиками и фронтовичками в частной переписке для описания своих отношений с противоположным полом (из числа военнослужащих или гражданского населения), очевидно, не обязательно свидетельствуют о взаимоотношениях товарищества. О многом говорит, к примеру, отрывок из письма военнослужащей Е. Охрименко, отправленного из Германии в Башкирию в феврале 1945 г.: «Милая мамочка, сообщаю, что я еще жива и здорова, живу хорошо, нахожусь в боевых условиях. <...> Мамочка, не беспокойся за меня, для меня сейчас все хороши мальчики, потому что и я для них хороша. Я каждую минутку вырываю для того, чтоб им помочь, постирать, полатать, а главное, что держу себя очень скромно, а потому меня зовут все ребята любимчиком. Правда, мамуся, есть много ребят хороших и каждый уговаривает дружить, но нет, мамуся, держусь и дружу только, как с товарищами и люблю, как братьев, а они меня, как сестру. А в армии, если дружить, то через неделю и замуж выйдешь»⁴⁵.

Еще более показательна, в этом смысле, история фронтовой дружбы, которую можно восстановить по десяткам писем санинструктора Анны Сологуб. Их адресат – боевой товарищ Анны Лев Теплов, который и передал переписку в РГАСПИ в 1980 г. Из писем девушки следует, что на фронте между ней и Львом (комсоргом роты) завязалась дружба, длившаяся, однако, недолго, так как Анна, раненная в 1943 г. под Сталинградом, оказалась в саратовском госпитале. Оттуда (и позже – снова с фронта) она отправила Льву множество писем, посвященных единственной теме – их дружбе. «...Что сблизило нас с тобой? – размышляла Анна. – Я не знаю. Ты сейчас мне самый дорогой человек. Я часто о тебе думаю. А почему? Не знаю. Мы были с тобой друзьями, делили кусочек сухаря пополам, пели вместе песни, спорили на комсомольском собрании и часто берегли друг друга. Я этого никогда не забуду. Мы не объяснялись с тобой в любви как другие, но наша дружба стала всего дороже и больше, чем любовь!». Поскольку Лев не только практически игнорировал переписку, но и отрицал факт самой дружбы, девушка упрекала его: «Ты не хочешь моей дружбы простой солдатской. Мы ведь дружили с тобой, а не крутили». Умоляла: «Родной, не порывай со мной связи...». Объясняла: «Пойми, я люблю тебя как солдата, как борца».

⁴⁵ Сеньявская. 2001. С. 40.

Призывала писать, напоминая и о том, что он – фронтовик, коммунист. Вероятно, такой порыв со стороны Анны объясняется и романтичностью натуры, и отсутствием в ее фронтовой жизни более сильной эмоциональной привязанности. Девушка осознала это уже на исходе войны, и написала Льву: «Ты взрослый человек и должен понять меня. Четвертый год на фронте, а нет товарища – друга. Я хочу, чтоб он был с чистой душой, как я, а этого нет, или я этого не понимаю в людях. Я ведь тоже человек, имею свои слабости и нуждаюсь в поддержке. Но просить о поддержке? Никогда. Уж как-нибудь обойдусь своими силами»⁴⁶.

Реалии фронтовой жизни (сходство в одежде между мужчинами и женщинами; практически одинаковый суровый быт; риски и опасности, нивелировавшие половые различия) подпитывали восприятие женщины, находившейся рядом, исключительно как «друга». Но поскольку это было отнюдь не очевидно для людей, находившихся в иных условиях, то отсюда возникали проблемные ситуации. Одна из них связана с письмом В.В. Сырцылина, где он описывал жене свои отношения с санинструктором батальона (причем совершенно не сомневался в положительной реакции адресата на этот рассказ): «...Когда я замерзал и меня клонило уже ко сну и не было сил подняться, она подползала под градом пуль ко мне и своим дыханием отогревала мне окоченевшие пальцы и лицо. Когда я однажды вернулся мокрый из разведки, с разорванным полушубком (а была метель и мороз не меньше 30 градусов), она сняла свой и надела его на меня, сама оказавшись в джемпере и плаще в сугробе снега. В минуты затишья боя мы спали вдвоем в волчьей яме или воронке от снаряда, постелив палатку и мой полушубок и укрывшись ее полушубком». Когда Сырцылин пытался объяснить жене, ревновавшей его к боевым друзьям, что такое для него Родина, то включал в это понятие и друзей, обретенных на дорогах войны. «...За Родину! А что такое – Родина? Родина – это семья, т.е. ты и дочурка. Это – родная дедовская земля, это мои труды,

⁴⁶ РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 318. Л. 6об., 25, 9об., 17об., 39об. Известно, что А.М. Сологуб и Л.Н. Теплов состояли в переписке до 1980 г. (когда более 70 писем из нее были переданы в архив), жили в разных городах, но изредка встречались, были в курсе всех значимых событий личной жизни друг друга. В 1977 г. Анна Михайловна писала овдовевшему другу: «...По-видимому, у нас с тобой судьбы одинаковые. Я не знаю большего горя как одиночество. Вот уже 8 лет как я вдова. Мой сын уже вырос, кончает 10 класс. <...> Он веселый, заставляет меня всегда плясать, когда приходит от тебя письмо. А затем мы садимся и читаем твое письмо. Он тебя очень уважает и называет тебя Лев Николаевич – мамин фронтовой друг. <...> Что касается наших с тобой отношений. Вот уже 35 лет как мы знаем и ценим друг друга. Нам надо встретиться и решить свою судьбу. За нас этот вопрос никто решать не будет...» (РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 318. Л. 91об., 92об.).

моя воля и созидательное творчество за 13 лет самостоятельной жизни; это – мои старые друзья, это – мои товарищи по окопу и оружию, это – те девушки, которые спасли мне жизнь, девушки, которые в одиночестве стали моими сестрами, женами, матерями...»⁴⁷.

Дружеское сближение с женщинами-медработниками было, в известном смысле, predetermined. Находясь на грани жизни и смерти, раненые особенно нуждались в поддержке и участии, были в высшей степени эмоционально открыты. Если удавалось выжить, многие не только испытывали благодарность к врачам и сестрам, но и старались не прерывать с ними отношения. В Архиве Научно-просветительного Центра «Холокост» сохранились письма «сестрице Фриам» (так называли медсестру Фриму Кривицкую раненые) от пятнадцати корреспондентов – бывших пациентов полевого госпиталя № 587, где она служила с ноября 1941 г. Девушка проявляла участие к судьбе военнослужащих не только в госпитале. Однажды обратилась с просьбой к матери: «Под Москвой лежит мой раненый, у него ампутирована нога. По его письмам я поняла, что мальчик немного скучает. Белочка, сделай для меня приятное, съезди к нему и, если можешь, отвези ему что-нибудь вкусное. Это для меня будет большой радостью. Ты представь, что это для меня. Ладно?!»⁴⁸. Когда у Кривицкой начали отбирать переписку с бойцами «для отчета госпиталя», девушка решила переправлять ее домой.

Письма и дневниковые записи советских военнослужащих оставляют впечатление, что конец войны подверг фронтовую дружбу серьезным испытаниям. Именно в этот период некоторые красноармейцы почувствовали зыбкость сложившихся за время войны отношений, что, вероятно, было связано с общим эмоциональным истощением людей, резким повышением «котировок» жизни в финале войны и напряженным ожиданием возвращения к иному, мирному порядку существования. Еще одним фактором, негативно отразившимся на дружеских связях, была трофейная лихорадка 1945 года. Из-за суеты с трофеями, считает Леонид Рабичев, расстроилась его дружба со старшим лейтенантом Алексеем Тарасовым, с которым был «целый год один ординарец на двоих, один на двоих блиндаж». С Тарасовым (кандидатом технических наук, артистом, любителем поэзии) можно было говорить обо всем – «все о себе, все о стране, все об искусстве, жить друг без друга не могли», однако в Восточной Пруссии, с назначением его командиром роты, дружбе пришел конец. Сойдясь с презираемым раньше интендантом,

⁴⁷ Герои терпения... С. 103, 104.

⁴⁸ Архив НПЦ «Холокост». Ф. 9. Оп. 2. Д. 122. Л. 8.

старшим лейтенантом Щербаковым, проворачивавшим махинации с продуктами и обмундированием «за счет солдат», Тарасов пристрастился отправлять солдат за трофеями и полноправно распоряжаться добытым. «...Друга больше нет. Есть трофеи и Щербаков. Потрясенный, не нахожу себе места. Такого еще за всю войну не было»⁴⁹. Отношения перешли в ранг сугубо официальных и, в конце концов, Рабичев написал рапорт с просьбой перевести его на другую работу (командиром линейного взвода вместо взвода управления).

Таким образом, условия осуществления межличностных взаимодействий на разных этапах войны отличались, т.е. были более либо менее благоприятными. Так, в начале войны свою роль играл фактор ошеломления отступлением, огромных человеческих потерь, которые несла армия. Обстановка характеризовалась крайней нестабильностью, ближайшее окружение военнослужащего не раз меняло свой состав, происходила «притирка» разнородного контингента (разграничение функций, самоопределение в коллективе и др.). С точки зрения внешних условий наиболее благоприятным для развития дружеских контактов в среде военнослужащих видится второй период войны, проходивший под знаком «коренного перелома». Вера в окончательный разгром врага, подкрепленная победами Красной армии, подпитывала атмосферу солидарности бойцов. Что касается завершающего этапа войны, то, как свидетельствуют источники личного происхождения, в это время обострилась проблема одиночества фронтовиков; сказывались усталость от войны, выход за пределы родной страны, новизна заграничной среды.

Социальная история дружбы – это, прежде всего, история социального института дружбы и того языка, «дискурса», которым она описывается. Комбатанты Великой Отечественной войны, свидетельствуя о неприглядности и бесчеловечности ее нравов, дают понять, что условия военного времени потенциально мало способствовали отношениям дружбы. «На войне человек лишается всего, чем он жил до этого – родителей, жены, детей, имущества, книг, друзей, привычного общества и привычного окружения. Ему дана обезличивающая, уравнивающая его с другими форма и оружие, чтобы творить зло. Он беззащитен перед начальством, почти всегда несправедливым и пьяным, которое принуждает его не размышляя творить бесчинства, насилия и убийства. Иными словами, люди теряют на войне человеческий облик и превращаются в диких животных: жрут, спят, работают и убивают. А между тем, Богом данная душа человеческая всячески сопротивляется этому превращению.

⁴⁹ Рабичев. 2008. С. 163, 165.

Однако мало кому удается устоять в этом страшном поединке маленького человека с огромной и безжалостной войной»⁵⁰. Тем не менее, автор этих строк Н.Н. Никулин, прошедший войну от начала и до конца, на своем личном примере показывает, что жестокости войны противостояли отношения дружбы, когда «сам едва живой» офицер поддерживал рядового в наиболее трудные «первые недели фронтового быта». В этом смысле, дружба комбатантов явилась одним из источников Победы.

В условиях фронта одинаково важны и востребованы были как эмоционально-экспрессивные, так и инструментальные (деловые) функции дружбы. Отсюда – многообразие самих форм дружеских отношений, вариативность их параметров. Оставаясь индивидуально-избирательным межличностным отношением, фронтовая дружба развивалась на основе взаимной симпатии, доверия, взаимопонимания и взаимопомощи, общности интересов и увлечений, ценностно-ориентационного единства. Она являлась одним из основных факторов поддержания стабильности личности в экстремальных условиях. А поскольку отношения воинского товарищества и дружеского расположения порой переплетались, то известная поговорка могла бы быть перефразирована – «и в службу, и в дружбу».

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Архивные фонды

Архив Научно-просветительного Центра «Холокост». Ф. 9. Оп. 2. Д. 118, 122, 160.
Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).
Ф. М-33. Оп. 1. Д. 15, 152, 318, 1208, 1400.

Полевые материалы

Интервью с В.И. Бирюковым, 1923 г.р., записано в г. Краснодаре И.Г. Тажидиновой 6 ноября 2012 г.
Интервью с О.В. Бредихиным, 1925 г.р., записано в г. Краснодаре И.Г. Тажидиновой 23 октября 2012 г.
Интервью с Н.П. Жуганом, 1917 г.р., записано в г. Краснодаре И.Г. Тажидиновой 25 октября 2012 г.

Опубликованные воспоминания, дневники, письма

Андреев Л.Г. Философия существования. Военные воспоминания. М.: Гелеос, 2005. 320 с.
Вегер Л.Л. Записки бойца-разведчика. М.: Новый век, 2003. 64 с.
Герои терпения. Великая Отечественная война в источниках личного происхождения: сб. документов / Ред.-сост. И.Г. Тажидинова. Краснодар: Диапазон-В, 2010. 240 с.
Лебединцев А.З., Мухин Ю.А. Отцы-командиры. М.: Яуза, 2006. 608 с.
Никулин Н.Н. Воспоминания о войне. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2008. 236 с.
От солдата до генерала. Воспоминания о войне. Том 9. М., 2008. 477 с.

⁵⁰ *Никулин.* 2008. С. 163–164.

- Общество и власть. Российская провинция. Июнь 1941 г.–1953 г. Том 3 / Сост. А.А. Кулаков, В.В. Смирнов, Л.П. Колодникова. М.: Институт Российской истории РАН, 2005. 1080 с.
- Письма из войны: сб. документов / Сост. Ю.Ф. Юшкин. Саранск: РАС. 2010. 432 с.
- Рабичев Л.* «Война все спишет»: мемуары, иллюстрации, документы, письма. М.: «Аввалон», 2008. 560 с.
- «Сохрани мои письма...»: Сборник писем и дневников евреев периода Великой Отечественной войны. Вып. 1 / Сост.: И.А. Альтман, Л.А. Терушкин. М.: Центр и Фонд «Холокост»: МИК, 2007. 320 с.
- «Сохрани мои письма...»: Сборник писем и дневников евреев периода Великой Отечественной войны. Вып. 2 / Сост.: И.А. Альтман, Л.А. Терушкин, И.В. Бродская. М.: Центр и Фонд «Холокост»: МИК, 2010. 328 с.
- Страницы скорби и любви... Документальные свидетельства Великой войны (к 65-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.) / Ред.-составитель В.Н. Иванов. Краснодар: КГУКИ, 2010. 145 с.
- «Я пока жив...» (Фронтовые письма 1941–1945 гг.) / Сост. М.Ю. Гусев. Н.Новгород: Комитет по делам архивов Нижегородской области, 2010. 304 с.

Литература

- Кон И.С.* Дружба. СПб.: Питер, 2005. 336 с.
- Людтке А.* История повседневности в Германии. Новые подходы к изучению труда, войны и власти / Пер. с англ. и нем. К.А. Левинсона и др.; под общ. ред. и с предисл. С.В. Журавлева. М.: РОССПЭН, 2010. 271 с.
- Момотова Н.В., Петров В.Н.* Жизненные ценности военнослужащих периода Великой Отечественной войны по материалам писем с фронта // Социология Великой Победы. М. 2005.
- Сенявская Е.С.* 1941–1945: Фронтовое поколение: Историко-психологическое исследование. М.: Институт российской истории РАН, 1995. 220 с.
- Сенявская Е.С.* Женские судьбы сквозь призму военной цензуры // Военно-исторический архив. 2001. № 7(22).
- Твардовский А.Т.* Василий Теркин. М.: ИД «Комсомольская правда», 2010. 398 с.
- Хархордин О.В.* Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2002. 348 с.

Тажидинова Ирина Геннадьевна – кандидат исторических наук, доцент Кубанского государственного университета; *tajidinova@yandex.ru*